

Сентенциальные актанты имён: уточнение релевантных параметров

Одной из актуальных проблем в современных исследованиях аргументной структуры является вопрос об аргументной структуре имён ситуаций (прежде всего номинализаций типа *знание*, *выяснение*, *возможность* от соответствующих предикатов *знать*, *выяснить* / *выяснять*, *возможно* / *возможный*). Например, Т. Стоуэлл отказывает именам ситуаций в способности иметь «настоящие» сентенциальные актанты. Впрочем, эта точка зрения считается многими исследователями слишком радикальной – например, Дж. Гримшо (1990) показывает, что в примерах с вершинными именами типа *certainty* (*his certainty that he will win*) можно говорить о сентенциальных актантах.

М. Князев (2014) отмечает, что для некоторых имён, например, *признак*, *уверенность* и т.д. приемлемость сентенциальных актантов повышается в модальных контекстах и при употреблении, близком к предикатному (*у него была уверенность*).¹

В докладе я рассмотрю широкий набор имён действия и попытаюсь показать, что на (не)возможность при них сентенциальных актантов влияет несколько признаков.

I. Актант vs. модификатор

Один из отчётливых контрастов наблюдается в сфере имён свойства, образованных от предикативов или кратких прилагательных: имена типа *возможность* (от *возможно* / *возможный*), *необходимость* (от *необходимо* / *необходимый*) допускают сентенциальные актанты, а *странность* или *важность* абсолютно не допускают его:

- (1) *Странно, что Вася не приехал* – **Я отметил **странность**, что Вася не приехал.*
- (2) *Важно всё сразу обсудить* – **Мы понимали **важность** всё сразу обсудить.*
- (3) *Возможно ли уехать за границу?* – *Я знал о **возможности** уехать за границу.*
- (4) *Необходимо отстаивать свои права* – ***Необходимость** отстаивать свои права всегда меня нервирует.*

Такая асимметрия вызвана тем, что при именах типа *возможность* или *необходимость* зависимое является не собственно актантом, а скорее имеет свойства модификатора. Например, в вопросах и при анафоре при имени *возможность* обычно выступают не местоимения-существительные, а адъективные местоимения:

- (5) - ***Какая** возможность тебя привлекла?* – *Возможность поехать за границу.*
- (6) *Он знал о возможности поехать за границу, и **эта** возможность его привлекала.*

Как говорилось выше, Т. Стоуэлл считал важной особенностью имён ситуаций то, что при них не бывает настоящих сентенциальных актантов – сентенциальные зависимые имеют свойства аппозитивных модификаторов.

При словах же *важность* и *странность* сентенциальное зависимое – это Носитель свойства, обязательный аргумент имени. Гипотетический сентенциальный актант был бы настоящим актантом – а для имён действия иметь настоящие актанты не характерно.

II. Семантическая роль и статус актанта / модификатора

В то же время некоторые пары имён, различающиеся по поведению, допускают ещё и объяснение в терминах статуса семантической роли.

Например, слово *привычка* сохраняет сентенциальный актант, а *усталость* теряет:

- (6) *Он привык работать по утрам* – *Из-за (своей) привычки работать по утрам ты к середине дня уже сонный.*
- (7) *Я устал доказывать свою правоту* – **Из-за усталости доказывать свою правоту я выступал неубедительно.*

По-видимому, можно сформулировать объяснение в семантических терминах. При слове *привычка* сентенциальный актант имеет семантическую роль Содержания, разъясняющего суть привычки (ср. *привычка состоит в том, чтобы работать по*

¹ Такое поведение связывается с тем, что, по гипотезе Князева, генитивные посессоры не подходят на роль субъекта конструкции с сентенциальным актантом. В модальных же конструкциях проецируется имплицитный субъект, который эта конструкция допускает.

утрам). Напротив, актант слова *усталость* такую роль иметь не может. То, от чего человек устаёт, является некоторой ситуацией, внешней по отношению к усталости.

Объяснения в терминах семантической роли и актантного / неактантного статуса коррелируют между собой. Актанты с ролью Содержания «доопределяют» вершинное имя, и понятно, что синтаксически они часто не имеют всего набора актантных свойств.

III. Глубже в семантику: реальность и ирреальность

Интересно, что определяет роль, которую будет иметь тот или иной аргумент. Мы считаем, что это не в последнюю очередь зависит от (ир)реальности зависимой ситуации. Так, *усталость* и *любовь* требуют ситуаций, имеющих место актуально (*усталость*) или возникают регулярно (*любовь*). Зависимая ситуация уже существует в реальности независимо от вершинного имени. Имя же *страх*, присоединяющее зависимое, требует ирреальной ситуации, которая вне страха не существует и имеет роль Содержания:

(8) *Он боялся ошибиться – Всё портит его боязнь ошибиться.*

Однако это объяснение явно неполно. Например, *привычка* (как и *любовь*) может употребляться только с теми ситуациями, которые уже имели место.

Следовательно, причину надо искать в семантическом типе самого вершинного имени. Однако полного объяснения на сегодняшний день у нас нет.

IV. Имена знания: почему у них есть аргументы?

Вернёмся теперь к именам, анализируемым Дж. Гримшо (1990). Как было указано выше, имена знания и некоторые имена, фиксирующие эпистемический статус события (*knowledge, certainty*) способны иметь sentential complements, которые являются настоящими актантами. В русском та же ситуация: аргументы имён типа *знание* или *уверенность* не слишком хорошо заменяются адъективными составляющими:

(9) *Нам мешало играть понимание, что мы уже потеряли все шансы на чемпионство.*

(10) *#Какое понимание мешало вам играть?*

Почему же это происходит? Видимо, ключевым является фактор семантической роли. При существительном *знание* sentential complement имеет роль Содержания. Заметим, что дело обстоит по-разному при именных и sentential актантах. С именными актантами приемлемы конструкции типа *Хорошее знание правил*, где *правила* – некоторый внешний по отношению к знанию объект реальности. Однако при sentential зависимом зависимое имеет роль Содержания.

В том же самом нас убеждает случай слова *необходимость*. Синтаксически его зависимое вряд ли является модификатором – оно хуже, чем при слове *возможность*, заменяется на адъективные модификаторы (ср. *?Эта необходимость меня раздражала, ?Какая необходимость для тебя болезненна*). Однако в то же время зависимое слова *необходимость* не имеет роль Носителя свойства, а является Содержанием. Если мы говорим *Меня раздражала необходимость туда тащиться*, то речь идёт не о свойстве ситуации *туда тащиться*, а о ситуации необходимости, содержанием которой является инфинитивный оборот. Следовательно, сохраняться при именах могут, прежде всего, актанты с ролью Содержания. Их синтаксическое поведение неоднородно – как правило, они являются модификаторами, как при слове *возможность*, но иногда имеют скорее аргументные свойства, как при словах *знание* или *необходимость*. Главное же в том, что Содержание – это участник, который дополняет, расшифровывает вершинное имя, а не является автономным объектом реальности.

Grimshaw, Jane. 1990. Argument structure. Cambridge, Massachusetts: MIT Press.

Knyazev, Mikhail. Structural licensing of sentential complements: Evidence from Russian noun complement constructions. Bucharest Working Papers in Linguistics 2014. V. 2. P. 21-45.

Stowell, Tim. 1981. Origins of phrase structure. Cambridge, Massachusetts: MIT Press.